

- ²¹ Там же. Т. 4. Кн. 3. С. 43.
- ²² Там же. С. 81.
- ²³ Там же. Т. 2. Кн. 1. С. 16.
- ²⁴ Там же. Т. 1. Кн. 1. С. 104–108.
- ²⁵ Там же. Т. 3. Кн. 1. С. 74–75.
- ²⁶ Там же. Т. 4. Кн. 1. С. 30–31.
- ²⁷ Там же. Т. 3. Кн. 2. С. 45.
- ²⁸ Исследователи и литераторы старого Забайкалья. Чита, 1954; Краткая энциклопедия... Т. 2. Кн. 1. С. 54–56.
- ²⁹ Краткая энциклопедия... Т. 4. Кн. 1. С. 9–10.
- ³⁰ Там же. Т. 3. Кн. 2. С. 52–53.
- ³¹ Там же. Т. 4. Кн. 2. С. 123–125.
- ³² Там же. Т. 1. Кн. 1. С. 107.
- ³³ Погребняк А.И. Купцы-предприниматели Енисейской губернии. Красноярск, 2002.
- ³⁴ Краткая энциклопедия... Т. 4. Кн. 3.
- ³⁵ Там же. Т. 3. Кн. 3. С. 10–11.
- ³⁶ Там же. Т. 3. Кн. 2. С. 114–115.
- ³⁷ Гапоненко В.В. Верхнеудинские меценаты первой половины XIX века // Улан-Удэ в прошлом и настоящем. У.-Удэ, 1996; Краткая энциклопедия... Т. 2. Кн. 2. С. 146–148.
- ³⁸ Краткая энциклопедия... Т. 4. Кн. 1. С. 20–21.
- ³⁹ Там же. Т. 2. Кн. 1. С. 54–56.
- ⁴⁰ Там же. Т. 1. Кн. 2. С. 135–137.
- ⁴¹ Там же. Т. 1. Кн. 1. С. 91–92.
- ⁴² Там же. Т. 2. Кн. 2. С. 166.
- ⁴³ Там же. Т. 3. Кн. 2. С. 20.
- ⁴⁴ Хисамутдинов А. Из Владивостокской старины. Владивосток, 2001; Т. 4. Кн. 1. Новосибирск, 1997. С. 85.
- ⁴⁵ Т. 1. Кн. 2. Новосибирск, 1994. С. 106.
- ⁴⁶ Там же. Т. 4. Кн. 1. С. 20–22.
- ⁴⁷ Там же. Т. 3. Кн. 3. С. 43–44.
- ⁴⁸ Гапоненко В.В. Верхнеудинские меценаты первой половины XIX века // Улан-Удэ в прошлом и настоящем. У.-Удэ, 1996; Краткая энциклопедия... Т. 2. Кн. 2. С. 148.
- ⁴⁹ Краткая энциклопедия... Т. 3. Кн. 1. С. 20.
- ⁵⁰ Томск от А до Я. Краткая энциклопедия города. Томск, 2002. С. 178–179; Краткая энциклопедия... Т. 2. Кн. 2. С. 128.
- ⁵¹ Белоножко Ю.А. Московское общество сельского хозяйства и его деятельность в Сибири в 1820–1860 гг. // Сибирский вестник. 1992. № 4. С. 106.
- ⁵² Белоножко Ю.А. Верхнеудинский друг декабристов Г.А. Шевелев и Московское общество сельского хозяйства // Ссылные декабристы в Сибири. Новосибирск, 1985.
- ⁵³ Краткая энциклопедия... Т. 3. Кн. 3. С. 43–44.

- ⁵⁴ Там же... Т. 2. Кн. 2. С. 166.
- ⁵⁵ Там же. Т. 2. Кн. 1. С. 54–56.
- ⁵⁶ Там же. Т. 2. Кн. 2. С. 128.
- ⁵⁷ Там же. Т. 3. Кн. 1. С. 46–47.
- ⁵⁸ Там же. Т. 3. Кн. 2. С. 110–111.
- ⁵⁹ Там же. С. 54–57.
- ⁶⁰ Мешалкин П.Н. Меценатство и благотворительность... С. 17.
- ⁶¹ Краткая энциклопедия... Т. 4. Кн. 1. С. 50–53.

А. В. Гущин

Образ русского военного моряка глазами представителей сухопутной армии в Русско-японскую войну 1904–1905 годов

Русско-японская война 1904–1905 гг. относится к числу наиболее изученных тем отечественной историографии. Но в рамках социального подхода к военной истории считаем необходимым остановиться на проблеме взаимодействия и взаимной оценки сухопутной армии и сил военно-морского флота, задействованных в борьбе с Японией. Вооруженные силы всегда отражали внутреннюю ситуацию в стране. И если общественно-политические процессы, происходившие в обществе, находили свое продолжение в армии, то вполне вероятно, что отдельные антагонистические течения легче проследить на примере армии, чем в обществе. В то же время армия – это представительство практически всех социальных групп. А русско-японская война – катализатор взаимодействия и взаимодействия этих социальных групп. В качестве методологической конструкции предлагаем пользоваться понятием «образ». Под ним понимается знак, который содержит полновесную информацию, выбранную для изложения нарративного материала.

Для написания работы использовались опубликованные источники личного происхождения. Для объективной реконструкции образа русского военного моряка глазами представителей сухопутной армии необходимо было использовать дневники и воспоминания участников, занимавших различное положение в системе должностей и званий. Использованные источники личного происхождения можно условно разделить на группы. 1) Воспоминания младших офицеров, такие как дневник Ф. И. Шикица¹, начавшего войну в унтер-офицерской должности старшего ординарца и закончившего компанию в звании зауряд-прапорщика, дневник осады Порт-Артура М.И. Лилье², автор которого был военным инженером в звании штабс-капитана, мемуары заведующего минной обороной Западного форта крепости Порт-Артур поручика Н.А. Мелик-Парсаданова³, воспоминания офицера 25 Восточно-Сибирского стрелкового полка И. Щеголева⁴, дневник командира 9-й

роты 14 Восточно-Сибирского стрелкового полка А.Н. Голицынского⁵, воспоминания поручика запаса В.В. Оболенского составленные на основе дневника⁶. 2) Мемуары старших офицеров: полковника К. И. Дружинина⁷ и др. 3) Воспоминания высших офицеров, таких как А.М. Стессель⁸, генерал-майора М.И. Костенко⁹ и др. А также в качестве дополнительных источников использовались воспоминания морских офицеров, такие как дневник лейтенанта А.П. Штер¹⁰, воспоминания лейтенанта И.И. Ренгартена¹¹, мичмана Ф.Ф. Рейнгарда¹² и капитана 2-го ранга Вл. Семенова¹³.

К началу XX в. сложились традиции совместных боевых действий русской армии и флота. Но необходимо указать на то, что военные расходы Российской империи должны были делиться между сухопутным и военно-морским ведомством. Воссоздание образа военного моряка посредством источников личного происхождения раскроет причины, согласно которым не удалось достичь в полной мере согласованных действий от сухопутного гарнизона Квантунского укрепленного района и 1-й Тихоокеанской эскадры русского военно-морского флота. В качестве примера можно привести эпизод с отказом контр-адмирала М.Ф. Лощинского выслать суда в бухту Талиенвань для борьбы с японскими батареями¹⁴ и, как следствие, захват русских позиций на Цзиньчжоуском перешейке; или отказ контр-адмирала В.К. Витгефта дать сведения о наличии запасов продуктов питания на судах 1-й Тихоокеанской эскадры и порта, что означало отказ поделиться с сухопутным гарнизоном в условиях полной блокады Порт-Артура¹⁵; и множество других подобных эпизодов. Отправляясь на Дальний Восток в действующую армию, высшие офицеры обращались к отправлявшимся на фронт с пожеланием «тесного единения армии с флотом, для того чтобы дать дружный отпор вероломному врагу»¹⁶. Но анализ источников личного происхождения, как морских офицеров, так и их сухопутных коллег, свидетельствует об обратном. В дневнике штабс-капитана М.И. Лилье от 30 мая 1904 г.¹⁷, воспоминаниях генерал-майора М.И. Костенко¹⁸ и др. приводится полный текст так называемой «Повести о Белых зайчиках».

Авторы, поместившие в свои дневники и мемуары «повесть», указывают точную дату появления её в гарнизоне – 30 мая¹⁹ и характеризуют её как «известную всем артурцам»²⁰. Сама повесть была подана к печати в местной Порт-Артурской газете, властью военного командования крепости к печати не пропущена, но активно переписывалась и передавалась из рук в руки сухопутными офицерами и нижними чинами. Об авторе точных сведений не сохранилось²¹. Считаю необходимым привести её полный текст: «Бык насаждает, собаки до изнеможения сил грызутся, алая кровь потоками льётся, а в это время в лесу по горам зайцы чистенькие да беленькие, в воротничках да манжетах, со златокудыми сиренами под ручки стройно разгуливают, и приятные разгово-

ры разговаривают... Пусть-де собаки грызутся, пусть шерсть с них летит, пусть брызжет кровь – нам горе мало. Отгрызутся, а потом мы, как более прыткие, поскачем с вестью, что быка загрызли... А за это нас покормят лавровыми листиками,... а мы их очень любим. Вдруг видят, что бык показался, – тут зайцы врассыпную и попрятались под собачьи хвосты. Когда же дело дошло до смертной схватки, зайцы не выдержали и в кильватерной колонне засверкали пятками, взяв направление на Норд-Ост, с предводителем во главе, старым седым и самым трусливым зайцем. Смерд от этого пошел невозможный... Но так как зайцы дальше своего лесочка никуда не ходили, то скоро сбились и заблудились... Картина меняется. От быка только клочья остались, собаки его разнесли, а тут в железной лодке появляется дедушка Мазай. Видит, зайцы кто где: какой на камне сидит, какой на берег выпрыгнул, у многих одни уши торчат. Стал их Мазай подбирать: как-то вы, говорит, зайцы, тягу дали и нет, чтобы собакам помочь. Э, дедушка, – отвечают зайцы, – собачья-то шкурка не ценная, а наши шкурки-то дорого стоят – вот и спасались. Эх вы, зайцы, трусы нерассудительные, что толку в том, что шкурку спасали, когда вся-то она у вас загажена. – И давай их Мазай палкой тузить да уму-разуму учить. Многие из них не выжили, а другие прощения запросили. Тут я и проснулся...»²².

Моряки 1-й Тихоокеанской эскадры предстают на страницах повести в образе «белых зайчиков»²³. «Зайчики» – потому что к моменту появления повести прошло 4 месяца осады, но к решительным действиям флот так и не приступил. «Флот наш остается, верен себе и по-прежнему ограничивается ролью пассивного и хладнокровного зрителя», – писал в дневнике штабс-капитан М.И. Лилье²⁴. «Наши моряки умеют только топить свои суда, а в особенности в виду неприятеля, чтобы избежать с ним столкновения»²⁵, – вспоминал генерал-майор М.И. Костенко. Белыми же зайчиками названы моряки потому, что окрашены суда 1-й Тихоокеанской эскадры были в белый цвет, несмотря на то, что такая окраска позволяла японцам легко и быстро обнаруживать цели.

Далее в тексте повести говорится о златокудых сиренах, и не случайно. В тот момент, когда среди гарнизона Порт-Артура свирепствовали цынга, дизентерия вследствие употребления нижними чинами и офицерами пищевых суррогатов, морские офицеры позволяли себе отдых в кафе-шантанах «Звездочка» и «Variete». «Многие из них [моряков – А. Г.] имели содержанок и мало кто стеснялся, обнявшись, кататься с ними по улице, быть в цирке, театре...»²⁶, – писал в своих воспоминаниях один из участников обороны. Штабс-капитан М.И. Лилье возвращался поздно ночью со службы и заметил в городе яркий свет; хотя в целях светомаскировки окна завешивались, но на ресторан «Звездочка» это правило не распространялось так как именно там «кутят наши морские офицеры»²⁷. Повесть, упоминая «о старом седом и самом трусли-

вом зайце», не оставляла шанса и высшим морским офицерам. К моменту появления повести вице-адмирал С.О. Макаров погиб, и контр-адмирал В.К. Витгефт был назначен командиром 1-й Тихоокеанской эскадры. Причем обстоятельства гибели контр-адмирала В.К. Витгефта 28 июля 1904 г. в ходе боя в Желтом море позволяют предположить, что сами моряки были также знакомы с текстом «Повести о Белых зайчихах». Во время боя, находясь на головном броненосце, В.К. Витгефт не захотел занять свое место в боевой бронированной рубке, а остался с чинами своего штаба на мостике. Желание адмирала умереть подчеркнуто бесстрашно, демонстративно объясняется тем, что он хотел, чтобы в памяти современников (и артурцев в том числе), он остался как храбро шедший на смерть.

Следующий интересный сюжет в тексте повести отражал степень подготовки флота: «зайцы дальше своего лесочка никуда не ходили». Этот фрагмент повести указывал на отношение сухопутных офицеров к системе морского ценза. Полковник К.И. Дружинин вспоминал о ней следующее: «так обыкновенно вырабатывали свои цензы в Балтийском море, где плавание обращалось в пикники», или «любили еще плавать в Средиземном море, где наслаждались поэтической Ривьерой и гостеприимством французоз»²⁸. Генерал-майор М.И. Костенко высказывал в своих воспоминаниях аналогичные мысли: «командирами судов состояли люди... мало знакомые не только с боевой обстановкой, но даже вообще с морской службой»²⁹.

Ближе к концу повести мы узнаем о том, что какой-то заяц, то есть корабль, «на камне сидит, какой-то на берег выпрыгнул, у многих одни уши торчат». К моменту появления повести не боевые потери флота были настоящим бедствием. Например, 17 мая 1904 г. два морских минных катера, увидев на горизонте японцев, повернули к Дальнему, «сами себя подорвали, а командиры во главе с офицерами вернулись пешком в Артур»³⁰. Крейсер «Боярин» был брошен командой, но «в течение 3-х дней носился по воле волн» – после чего наскочил еще на 2 мины и был выброшен на камни³¹.

И собственно последние претензии сухопутных офицеров к военным морякам получили следующее оформление в повести: «наши шкурки-то дорого стоят – вот и спасались». Действительно, постройка и содержание флота стоили много: одна 12 дюймовая пушка на боевом судне – порядка 200 тыс. руб., а каждый выстрел из неё – 700 руб.³². Разрыв в жаловании был достаточно весомой предпосылкой для взаимного неприятия. Мичман, только что сошедший со скамьи училища, получал в месяц 300–400 рублей содержания, «которые получает далеко не всякий генерал сухопутной армии»³³ – возмущался в своих воспоминаниях генерал-майор М.И. Костенко. Еще большую волну возмущения вызвал приказ командующего эскадрой контр-адмирала В.К. Витгефта от 5 мая

№ 55³⁴. В приказе в качестве награды за выловленные при тралении рейда мины назначалось по 25 рублей награды. Разница в денежном довольствии привела к тому, что сухопутные офицеры стали публично обвинять моряков в том, что «они, при своем постоянном бездельи в самый горячий момент компании, поощряют исполнение своих прямых обязанностей денежной наградой»³⁵. Когда командование решило усилить оборону сухопутного участка крепости морскими орудиями, то «все морские офицеры, принимающие участие в работах по доставке или установке орудий флота на батареях, кроме своего морского большого содержания, получали почему-то ещё и суточные деньги»³⁶, – отмечал в дневнике М.И. Лилье.

Дальнейшие события развивались в духе взаимных оскорблений не только между офицерами, но и между рядовыми стрелками и матросами. Показательна следующая сцена: «унтер-офицер разносил матроса за неотдание ему чести: не видя меня [ген. М. И. Костенко – А. Г.], он вошел в азарт: Вы моряки, не только пр... ваш флот, но даже воинской дисциплины не знаете»³⁷. Порой дело доходило до рукопашных схваток между офицерами эскадры и их сухопутными коллегами³⁸. После усиления позиций сухопутной линии обороны Порт-Артура морскими командами, к этим командам прикомандировывались опытные стрелки для исполнения обязанностей инструкторов и унтер-офицеров³⁹. Стрелки шли в морские команды крайне неохотно и искали возможностей для возвращения в свои подразделения. Штабс-капитан М.И. Лилье в дневнике отразил сцену, свидетелем которой он стал. Солдат 9-й роты 27 Восточно-Сибирского стрелкового полка жаловался своему ротному командиру капитану Беденко и просился обратно в роту, хотя при моряках исполнял должность унтер-офицера. Основанием для недовольства солдата являлось отношение морских офицеров, которые, по его словам, «дают награды исключительно своим матросам»⁴⁰.

Особую роль в закреплении негативного образа за военными моряками сыграли продовольственные трудности в условиях блокады Порт-Артура. Морское начальство в лице контр-адмирала В.К. Витгефта отказалось разгласить сведения о наличии и количестве продовольственных припасов 1-й Тихоокеанской эскадры⁴¹. Дневник батальонного командира А.Н. Голицынского свидетельствует о том, что в июле для пехоты запасы мяса и солонины вышли... и гарнизон перешел на конину⁴². Основу рациона сухопутных офицеров составлял суп из китайских бобов и уксуса⁴³. Но воспоминания морских офицеров по иному рисуют быт защитников Артура. В дневнике лейтенанта А. П. Штер – вахтенного начальника крейсера «Новик» – упоминается о стаде коров, которое охраняли матросы-пастухи⁴⁴. Кроме того, штук «полтора ста кур постоянно неслись, снабжая нас свежими яйцами»⁴⁵, – вспоминал А.П. Штер. Этим

морские офицеры не ограничились и держали свиней, баранов, гусей, уток и два огорода, где росли картофель, лук и др.⁴⁶

Основываясь на анализе многочисленных источников личного происхождения, можно с уверенностью утверждать, что в глазах представителей сухопутного гарнизона Порт-Артура сформировался достаточно негативный образ офицера флота и военного моряка. Но на фоне обобщенного образа в тех же офицерских воспоминаниях фигурировали в виде исключений конкретные личности офицеров флота, о которых авторы отзывались достаточно положительно. Для «отповеди» генерала А.М. Стесселя – С. О. Макаров, для генерала М. И. Костенко – командиры кораблей Эссен и Шульц.

Сухопутные офицеры могли составить непосредственное впечатление о морских коллегах не только на совместном театре военных действий (Порт-Артур), но и находясь в плену или возвращаясь из плена совместно с моряками. Находившийся в плену в г. Фукуяме зауряд-прапорщик Ф.И. Шикунц описывал частые конфликтные ситуации между содержащимися совместно матросами и сухопутными нижними чинами. В качестве причины драк в дневнике Ф.И. Шикунца называлось нетерпимое отношение сухопутных нижних чинов, которые ставили в вину морякам то, что «флот чуть не без бою покорился японцам»⁴⁷. Благодаря необоснованно щедрому материальному обеспечению матросы обладали неплохими личными деньгами. Что в свою очередь позволяло сухопутным предполагать, что моряки «набили карманы казенным добром»⁴⁸. Зачастую по вине зачинщиков из числа матросов 1-й Тихоокеанской эскадры русским военнопленным ужесточали условия содержания⁴⁹, что только прибавляло негативные краски к образу военного моряка. При этом флотские офицеры упрекали сухопутных в том, что они не могли «драться на суше и отдавали позицию за позицию»⁵⁰. Если верить дневниковым записям зауряд-прапорщика Ф.И. Шикунца, то «баталия с установлением фонарей под глазами и прочими атрибутами»⁵¹ случалась раз в несколько суток. И после 2 месяцев плена «мы [сухопутные офицеры – А. Г.] привыкли к подобным происшествиям»⁵².

Совместное возвращение из плена не привело к улучшению взаимоотношений между двумя основными родами войск, а только способствовало укреплению в сознании сухопутных офицеров и нижних чинов негативного образа военного моряка. Поручик запаса князь В.В. Оболенский, не кадровый сухопутный офицер, имел возможность составить непосредственное представление о моряках, уже возвращаясь с войны. Вопреки графику движения, матросы требовали пропустить их эшелон вне очереди⁵³. Начальник сухопутного эшелона посчитал справедливым строго придерживаться графика движения⁵⁴. Матросы попытались убить офицера, за которого заступились солдаты его роты⁵⁵. Так как морские офицеры, «ни разу не выглянувшие на творившиеся без-

образия»⁵⁶, самоустранились и не предприняли мер по удержанию матросов, то дело обернулось побоищем⁵⁷. Матросы «взломали контрольный аппарат и, имея на паровозе собственных механиков, укатили дальше»⁵⁸. Записки поручика В.В. Оболенского закачивались описанием обратного пути следования по территории Российской империи. На каждой крупной станции походный дневник поручика пополнялся сведениями о бесчинствах возвращавшихся матросов.

Участник русско-японской войны капитан 2-го ранга В. Семенов считал, что в формировании негативного образа военного моряка и даже откровенно враждебных настроений были виноваты высшие начальники. Так как «упорно внушали сухопутным мысль, что в промахах флота виноваты не высшие начальники, а негодный материал (команда и офицеры), бывший в их распоряжении!»⁵⁹. Генерал-майор М.И. Костенко также указывал на высшее начальство, но в ином ракурсе: «моряков он [наместник Е.И. Алексеев – А. Г.] стремился поставить на первом плане и дать им преимущественное положение перед армией и флотом»⁶⁰.

Сопоставление конкретных фактов из истории русско-японской войны с образом военного моряка, отображенным в воспоминаниях представителей сухопутной армии, позволяет утверждать, что в основе возникновения негативного образа лежали конкретные нарушения моряками традиционных для офицерского корпуса русской армии представлений о военно-профессиональной этике.

Существовал целый ряд противоречий между представителями офицерского корпуса из дворян и нижними чинами из крестьянства, конфликтные отношения между родами войск, гвардией и др. И во многом такое состояние вооруженных сил отражало внутреннюю ситуацию в русском обществе накануне революции 1905 года.

¹ Шикунц Ф.И. Дневник солдата в русско-японскую войну: В 2-х частях. Спб., 1905.

² Лилые М.И. Дневник осады Порт-Артура. М., 2002.

³ Мелик-Парсаданов Н.А. Артурское сидение: Мемуары заведывающего минной обороной Западного фронта крепости Порт-Артур. Варшава, 1909.

⁴ Щеголев И. Воспоминания порт-артурца, 1903–1904 г. Одесса, 1905.

⁵ Голицынский А.Н. На позициях Порт-Артура: из дневника ротного и батальонного командира. Спб., 1907.

⁶ Оболенский В.В. Записки о войне офицера запаса. М., 1912.

⁷ Дружинин К.И. Воспоминания о русско-японской войне 1904–1905 гг. участника-добровольца. Спб., 1912.

⁸ Стессель А.М. Моим врагам: (отповедь генерала А.М. Стесселя). Спб., 1907. С. 34.

⁹ Костенко М.И. Осада и сдача крепости Порт-Артур: мои впечатления. Киев, 1907.

- ¹⁰ Штер А.П. Дневник лейтенанта А.П. Штер. Спб., 1908.
¹¹ Ренгартен И.И. Воспоминания порт-артурца. Спб., 1910.
¹² Рейнгард Ф.Ф. Мало прожито – много пережито: впечатления молодого офицера о войне и плене. Спб., 1907.
¹³ Семенов Вл. Расплата. Спб., 1907.
¹⁴ Стессель А.М. Моим врагам. С. 34.
¹⁵ Там же. С. 48.
¹⁶ Рейнгард Ф.Ф. Мало прожито – много пережито. С.11.
¹⁷ Лилье М.И. Дневник осады Порт-Артура. С. 104.
¹⁸ Костенко М.И. Осада и сдача крепости... С. 131.
¹⁹ Лилье М.И. Дневник осады Порт-Артура. С. 103.
²⁰ Там же. С. 103.
²¹ Там же. С. 103.
²² Там же. С. 104–105, Костенко М.И. Осада и сдача крепости... С. 131.
²³ Лилье М.И. Дневник осады Порт-Артура. С. 104.
²⁴ Там же. С. 193.
²⁵ Костенко М.И. Осада и сдача крепости... С. 130.
²⁶ Там же. С. 127.
²⁷ Лилье М.И. Дневник осады Порт-Артура. С. 110.
²⁸ Дружинин К. И. Воспоминания о русско-японской... С. 15.
²⁹ Костенко М. И. Осада и сдача крепости... С. 127.
³⁰ Лилье М.И. Дневник осады Порт-Артура. 98
³¹ Там же. С. 20.
³² Костенко М. И. Осада и сдача крепости... С. 124
³³ Там же С. 128.
³⁴ Там же.
³⁵ Там же.
³⁶ Лилье М.И. Дневник осады Порт-Артура. С. 100.
³⁷ Костенко М. И. Осада и сдача крепости... С. 167.
³⁸ Лилье М.И. Дневник осады Порт-Артура. С. 99.
³⁹ Там же. С. 190.
⁴⁰ Там же.
⁴¹ Стессель А.М. Моим врагам... Указ. соч. С.48.
⁴² Голицынский А.Н. На позициях Порт-Артура... С. 38.
⁴³ Там же. С. 39.
⁴⁴ Штер А.П. Дневник лейтенанта А.П. Штер. С.48.
⁴⁵ Там же. С. 48.
⁴⁶ Там же. С. 48.
⁴⁷ Шкуц Ф.И. Дневник солдата в русско-японскую войну: В 2-х частях. Спб., 1905. Ч. 2. С. 155.
⁴⁸ Там же.
⁴⁹ Там же. С. 204.
⁵⁰ Там же. С. 155.
⁵¹ Там же. С. 110.

- ⁵² Там же. С. 167.
⁵³ Оболенский В.В. Записки о войне... С. 146.
⁵⁴ Там же.
⁵⁵ Там же.
⁵⁶ Там же.
⁵⁷ Там же.
⁵⁸ Там же.
⁵⁹ Семенов Вл. Расплата. С. 137.
⁶⁰ Костенко М. И. Осада и сдача крепости... С. 133.

Э. А. Воробьева

Основные направления формирования общественного мнения Дальнего Востока во время Русско-японской войны 1904–1905 годов

Успешность любого действия правящих кругов, как известно, определяется в том числе тем, как общество относится к проводимым действиям, причем чем более зрелым оказывается общественное сознание, тем большее значение имеет данный фактор. Русско-японская война, которая вызвала в русском обществе весьма неоднозначную реакцию, поставила перед правящими кругами задачу идеологической обработки общественного сознания в нужном для «верхов» ключе. Основным каналом этой обработки послужила пресса, в первую очередь ежедневные газеты – как официальные органы печати, так и буржуазно-монархическая и буржуазно-либеральная печать.

Важность обработки общественного сознания вполне ясно осознавалась правящими кругами. Прекрасной иллюстрацией к этому могут служить слова императора Николая II, сказанные им в феврале 1904 г. в ответ на поднесенный представителями петербургской прессы адрес: «Благодарю петербургскую печать за выраженные в адресе прекрасные чувства. Внимательно следя за печатью последнее время, Я убедился, что она явилась верною **истолковательницею** современных событий, ее одушевление и проникновение народным духом доставили мне истинное удовольствие. Надеюсь, что и впредь русская печать окажется достойною своего призвания служить выразителем чувств и мыслей великой страны и воспользуется своим **большим влиянием** на общественное настроение, чтобы вносить в него правду и только правду»¹.

В самих органах печати отмечался взрыв интереса к газетам, который произошел с началом русско-японской войны. Газеты стали активно читать везде – даже в самых глухих деревнях. Типичны следующие заметки по этому поводу: «В почтовые дни почтово-телеграфное отделение осаждается чающими и жаждущими новостей, и газеты вырываются чуть